

ЦИРКУЛЯРЪ

ПО ХАРЬКОВСКОМУ УЧЕБНОМУ ОКРУГУ.

15 ІЮНЯ — № 11 — 1863 ГОДА.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ СОСТАВѢ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

О П Р Е Д ѣ л е н ы :

Г. Министромъ Нар. Пр.

30 апр. 1863 г. № 14. Магистръ Стояновъ — адъюнктомъ въ Императорскій Харьковск. университетъ по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и Россійск. государственныхъ законовъ.

Того-же числа. Ахтырск. уѣздн. врачъ, лекаръ Валицкій — врачомъ при тамошнемъ уѣздн. училищѣ.

Г. Попечителемъ Харьк. учебн. окр.

28 мая 1863 г. № 1894. Дѣйств. студентъ Николай Жаворонковъ — старш. учителемъ законовѣдѣнія во 2-ю Харьковск. гимназію.

6 іюня 1863 г. № 2033. Изъ отставн., колл. рег. Николай Рудаковъ — эконоомъ въ благородн. пансіонѣ при Воронежск. гимназіи.

10 іюня 1863 г. № 2077. Учитель географіи и Русск. исторіи въ Харьковск. институтѣ благородн. дѣвицъ Носачевъ — младш. учителемъ географіи въ 1-ю Харьковск. гимназію, съ оставленіемъ на службѣ въ институтѣ.

У т в е р ж д е н ы :

Г. Министромъ Нар. Пр.

30 апр. 1863 г. № 14. Адъюнктъ при медицинск. факультетѣ Императорскаго Харьковск. университета, докторъ медицины Щелковъ — экстраординарн. профессоромъ по кафедрѣ физиологіи и общей патологіи.

18 мая 1863 г. № 15. (Напеч. въ Сенатск. вѣдом. 28 мая № 43), ст. сов. Терещенко — почетн. членомъ Императорскаго Харьковск. университета.

Того-же числа. Исправл. должность экстраординарн. профессора Императорскаго Харьковск. университета, магистръ Леваковский — въ степени доктора естественныхъ наукъ.

П е р е м ѣ щ е н ы :

Г. Попечителемъ Харьк. учебн. окр.

31 мая 1863 г. № 1921. Письмоводитель дирекціи

училищъ Воронежск. губерніи, губ. секр. Петръ Коповкинъ — надзирателемъ за вольноприходящ. учениками Усть-Медвѣдицк. гимназій.

31 мая 1863 г. № 1929. Бухгалтеръ канцеляріи Тамбовск. Александрійск. института благородн. дѣвицъ, тит. сов. Мачильскій — къ таковой-же должности въ дирекцію училищъ Тамбовск. губерніи.

6 іюня 1863 г. № 2031. Учителя Русск. языка уѣздн. училищъ: Богучарск. Федоръ Аракинъ, и Лебединск. Александръ Ульянцевъ — одинъ на мѣсто другого.

10 іюня 1863 г. № 2068. Учителя рисованія уѣздн. училищъ: Дмитровск. — Беркинъ, и Малоархангельск. — Сергеевъ — одинъ на мѣсто другого.

О с т а в л е н ы н а с л у ж б ѣ .

Г. Попечителемъ Харьк. учебн. окр.

29 мая 1863 г. № 1903. Законоучитель Харьковск. уѣздн. училища, протоіерей Голяховскій — на пять лѣтъ въ настоящей должности, т. е. по 19 апр. 1868 г.

У в о л е н ы :

а) въ отпускъ за границу.

Высочайшимъ приказомъ по Министерству Нар. Пр.

11 мая 1863 г. № 14. (Напеч. въ Сенатск. вѣдом. 21 мая № 41). Заслуженн. профессоръ Императорскаго Харьковск. университета, дѣйств. ст. сов. Калениченко, на 29 дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій, и домашн. учитель дирекціи училищъ Тамбовск. губерніи Генрихъ Липгардтъ — на три мѣсяца.

б) отъ службы,

Г. Министромъ Нар. Пр.

30 апр. 1863 г. № 14. Почетн. смотритель Бобровск. уѣздн. училища, миров. посредникъ Воронежск. уѣзда, тит. сов. Нечаевъ — отъ должности почетн. смотрителя помянутого училища, по прошенію,

Г. Попечителемъ Харьк. учебн. окр.

31 мая 1863 г. № 1897. Старш. учитель законо-
вѣдѣнія 2-й Харьковск. гимназіи, магистръ Андрей
Стояновъ — отъ настоящей должности, по прошенію,
по случаю опредѣленія его адъюнктомъ въ Импера-
торскій Харьковск. университетъ.

5 іюня 1863 г. № 2020. Комнатн. надзиратель бла-
городн. пансіона 1-й Харьковск. гимназіи, *Герակли-*
товъ — отъ службы, по болѣзни, съ освобожденіемъ

отъ обязанности дослужить по учебному вѣдомству
установленный за казенное воспитаніе срокъ.

6 іюня 1863 г. № 2036. Учитель Старобѣльск.
приходск. училища, губ. секр. *Синельниковъ* — отъ
службы, по болѣзни, съ освобожденіемъ отъ обязан-
ности дослужить по учебн. части 10-лѣтній срокъ
за полученный классный чинъ.

6 іюня 1863 г. № 2033. Исправл. должность эконо-
ма благородн. пансіона при Воронежск. гимназіи,
колл. рег. *Мурановъ* — отъ службы, по прошенію.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ СОСТАВѢ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ОТКРЫТІЕ ЗАВЕДЕНІЙ.

Градское общество г. Елатъмы, желая учредить
женск. приходск. училище, опредѣлило производить
ежегодно для этого сборъ по 600 р., каковое поста-
новленіе утверждено Тамбовск. губернск. правленіемъ,
и, въ-слѣдствіе сего, 12 минуш. апрѣля въ г. Елатъ-
мѣ открыто женск. приходск. училище.

Разрѣшено дочери тит. сов. *Еленѣ Михайловской*

открыть въ г. Харьковѣ частн. школу для дѣтей женск.
пола, на степени приходск. училища.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ.

Почетн. благотворитель Мечетинск. приходск. учи-
лища, отставн. хорунжій *Филиппъ Черниковъ* — по-
жертвовалъ для бѣдныхъ учениковъ того училища 100
р. и на постройку для училища классной мебели 90 р.

За каковое пожертвованіе г. попечитель изъявляетъ
жертвователю свою искреннѣйшую благодарность.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ И НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія.

По введенному, съ Высочайшаго разрѣшенія,
новому порядку печатанія приказовъ, всѣ приказы
по министерствамъ, съ 1 мая сего года, печатаются
въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, съ прекращеніемъ пе-
чатанія оныхъ по каждому министерству отдѣльно.
На семъ основаніи, всѣ приказы по министерству
народнаго просвѣщенія представляются съ 1 мая
сего года Правительствующему Сенату для распубли-
кованія въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, и за-тѣмъ
подлежащія вѣдомства должны дѣлать записки
отъ нихъ по тѣмъ приказамъ исполненія по опубли-
кованію оныхъ въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ.

О чемъ, въ-слѣдствіе предложенія г. министра
народнаго просвѣщенія, отъ 29 истекшаго мая за
№ 5368, г. попечитель сообщаетъ по вѣренному

ему округу, присовокупляя, что мѣста и лица, не-
получающія Сенатскихъ вѣдомостей, должны ру-
ководствоваться въ этомъ отношеніи издаваемыми
при канцеляріи Его Превосходительства циркуля-
рами.

II. Распоряженія окружнаго начальства.

Канцелярія департамента народнаго просвѣще-
нія препроводила семь экземпляровъ «Отчета члена
главнаго правленія училищъ Воронова, по обзорѣ
нѣю учебныхъ заведеній Московскаго округа», для
доставленія по одному экземпляру въ каждую гим-
назію Харьковскаго округа.

Г. попечитель, поручивъ канцеляріи своей разо-
слать означенный Отчетъ по гимназіямъ вѣреннаго
ему округа, сообщаетъ о семъ гг. директорамъ учи-
лищъ и директору 2-й Харьковской гимназіи.

СТАТЬИ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Старшій учитель Русской словесности въ Новочеркасской гимназіи *Савельевъ* представилъ, чрезъ директора училищъ Войска Донскаго, въ попечительскій совѣтъ «записку о преподаваніи Русской словесности въ гимназіи», и «опытъ преподаванія новаго періода исторіи Русской литературы».

Попечительскій совѣтъ, разсмотрѣвъ оныя, а равно и истребованное о нихъ мнѣніе профессора Харьковскаго университета Н. Лавровскаго, призналъ полезнымъ напечатать ихъ въ настоящемъ и послѣдующихъ *ММ* циркуляровъ по Харьковскому учебному округу, съ тѣмъ, чтобы вызвать мнѣнія объ этомъ важномъ вопросѣ учителей Русской словесности другихъ гимназій.

1. Записка старшаго учителя Новочеркасской гимназіи *А. Савельева* о преподаваніи Русской словесности въ гимназіяхъ.

Всѣ убѣждены въ томъ, что у насъ нѣтъ хоть сколько-нибудь порядочнаго учебника Русской словесности. Мысль эта давно высказана въ нашей педагогической литературѣ, и гимназическій учебникъ словесности уже нѣсколько разъ служилъ неистощимымъ предметомъ глумленія и насмѣшекъ для нашихъ педагоговъ. Но, кажется, пора уже оставить повтореніе одного и того-же, пора подумать о средствахъ помочь горю. Покаместъ мы будемъ дожидаться отъ Петербургскихъ педагоговъ хорошаго учебника, въ преподаваніи Русской словесности въ гимназіяхъ все-таки будетъ существовать тотъ-же хаосъ и безурядица, какъ было и прежде. За неимѣніемъ дѣльнаго учебника, всякому добросовѣстному преподавателю словесности въ гимназіи, по необходимости, приходится составлять свои записки. Но выигрываетъ ли отъ этого преподаваніе? Хотя, при составленіи записокъ своихъ, преподаватели пользуются одними и тѣми-же источниками, хотя программа гимназическаго курса словесности въ общихъ чертахъ опредѣлена положительно; но все же у каждаго изъ преподавателей въ этомъ дѣлѣ значительную роль играетъ личный

вкусъ: одному нравятся теоретическіе выводы Бѣлинскаго, другому теорія народнаго эпоса Буслаева, а третій увлекается красноглаганіемъ Чистякова. И дѣйствительно, я вполне убѣжденъ, что во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ нѣтъ и двухъ преподавателей словесности, курсы которыхъ, за исключеніемъ, разумѣется, исторіи литературы, имѣли бы между собою какую-нибудь тѣнь сходства. Я далекъ отъ того, чтобы защищать однообразие программъ и методовъ преподаванія, но считаю вредною для преподаванія и другую крайность — совершенное отсутствіе согласія въ содержаніи курсовъ словесности. Не смотря на мое задушевное желаніе познакомиться съ содержаніемъ курсовъ преподавателей словесности въ другихъ гимназіяхъ, воспользоваться тѣмъ, что у нихъ хорошаго, передать имъ свои наблюденія, я, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, не имѣлъ случая даже встрѣтить кого-нибудь изъ учителей словесности и не знаю ни одной статьи, гдѣ бы изложено было содержаніе курсовъ словесности въ другой гимназіи. Въ послѣднее время разрѣшены педагогическіе сѣзды уѣздныхъ учителей. Отъ чего же не дозволить сѣздовъ учителямъ гимназій? Я думаю, учителя гимназій имѣютъ еще болѣшую потребность въ обмѣнѣ своихъ педагогическихъ убѣжденій, и въ гимназическомъ преподаваніи еще больше можетъ встрѣтиться спорныхъ вопросовъ, требующихъ всесторонняго обсужденія.

Безконтрольность записокъ по какому бы то ни было предмету положительно вредитъ преподаванію; то-же можно сказать и о запискахъ по словесности. Записки для гимназистовъ — магическое слово: учитель читаетъ по запискамъ — значитъ хорошій учитель; если же по руководству, то — плохой? Въ слѣдствіе этого, очень часто учитель, не по внутреннему убѣжденію въ необходимости записокъ, а просто изъ самолюбія, изъ желанія блеснуть своими знаніями, замѣняетъ учебникъ своими записками. Если и предшественникъ его тоже читалъ по запискамъ, то снѣ подвергаются строгой критикѣ и признаются

совершенно чепухой. Такова уже общая человеческая слабость: вѣдь лучшее средство похвалить себя—это унижить другаго, съ которымъ насъ могутъ сравнивать. Проходить два, три года,—учителя словесности перемѣщаются въ другую гимназію; на мѣсто его пріѣзжаетъ новый учитель съ новыми *своими-же* записками, а записки предшественника въ свою очередь подвергаются горькой участи совершеннаго презрѣнія. Уже можно судить, сколько здѣсь произвола, личнаго вкуса, уклоненій отъ истиннаго пути. Извѣстно, что у всякаго есть свой любимый конекъ, свои часто эгоистическіе разсчеты въ преподаваніи. Я зналъ одного учителя словесности, который рѣшительно отвергалъ систему въ своемъ преподаваніи: что ему попадалось подъ-руку, то онъ и читалъ на лекціяхъ, основываясь на томъ, что *обширенъ и разнообразенъ міръ словесности*. Въ-слѣдствіе, этого у него къ концу года составлялась такая программа: Борисъ Годуновъ—Пушкина и Кулакъ—Никитина, Гомеръ и Грибоѣдовъ, Софоклъ и Некрасовъ, и т. п. И такъ составленіе учебника словесности, который служилъ бы основаніемъ въ преподаваніи, который ограничивалъ бы произволъ каждаго преподавателя и вмѣстѣ съ тѣмъ заставлялъ бы держаться строгой системы, становится вопіющею необходимостію. Но, къ сожалѣнію, до сихъ еще поръ въ нашей педагогической литературѣ не поднятъ даже вопросъ о составленіи такого учебника. Разсуждая о разныхъ учебникахъ по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, наши педагоги почему-то обходятъ Русскую словесность, какъ-будто боятся затронуть больное мѣсто. Правда, была попытка г. Хованскаго въ Воронежѣ, изданіемъ филологическихъ записокъ приготовить матеріалы для будущаго учебника; но эта попытка окончилась ничѣмъ. По моему мнѣнію, составленіе учебника не можетъ быть дѣломъ одного лица. Какою бы опытностію ни обладалъ отдѣльный педагогъ, съ какими обширными свѣдѣніями онъ ни былъ, а все же ему трудно отрѣшиться отъ своего личнаго взгляда, подъ который онъ станетъ подводить факты науки. А извѣстно, какинъ вредомъ и какою односторонностію въ преподаваніи отзывается всякій личный взглядъ преподавателя, навязанный

насиліемъ его слушателямъ. Гдѣ же больше простору личнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, какъ не въ Русской словесности? Вѣдь еще недавно въ нашей литературѣ появлялись статьи о томъ, что Пушкинъ—не національный поэтъ, что Гоголь—клеветникъ на Русскую жизнь. По этому-то, мнѣ кажется, что въ составленіи учебника должны участвовать многіе преподаватели и не иначе, какъ послѣ обстоятельнаго обсужденія матеріаловъ и соглашенія въ выборѣ ихъ. Совѣтъ при г. попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа можетъ принять на себя трудъ предложить всѣмъ преподавателямъ словесности въ округѣ выслать ему болѣе обработанные отдѣлы своихъ записокъ, и потомъ изъ этихъ матеріаловъ сдѣлать сводъ, какъ проектъ учебника, по плану, одобренному членами попечительскаго совѣта. Этотъ проектъ учебника долженъ подвергнуться обсужденію опытныхъ педагоговъ и съ замѣчаніями ихъ окончательно разсматриваться въ попечительскомъ совѣтѣ. Нельзя не согласиться, что этотъ путь слишкомъ длинный, требуетъ много труда, времени; но что же дѣлать, если это самый рациональный путь для составленія учебника словесности. Впрочемъ, это мое личное убѣжденіе; я жду опроверженій и замѣчаній со стороны людей болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ; по-крайней-мѣрѣ будетъ поднятъ вопросъ.

Желая положить начало хорошему дѣлу, я предлагаю на обсужденіе попечительскаго совѣта одинъ отдѣлъ моихъ записокъ изъ новаго періода исторіи Русской литературы, съ цѣлью, что объ этомъ періодѣ можетъ быть болѣе противорѣчащихъ мнѣній, потому что онъ менѣе всего у насъ обработанъ. При составленіи моихъ записокъ я пользовался критическими статьями Бѣлинскаго, монографіями Полеваго, Плетнева, Никитенко, Галахова и Водовозова. Я самъ сознаю, что въ моихъ запискахъ много неполнаго и неотдѣланнаго: какъ напримѣръ, у меня слишкомъ поверхностна характеристика писателей, потому что я не писалъ подъ руками нѣкоторыхъ, извѣстныхъ мнѣ только по названію, сочиненій. Кромѣ того, у меня вовсе не прослѣжена исторія слога и языка, потому что я не знаю ни одного сочиненія по исторіи Русскаго языка и стилистики. Предполагаю, что можетъ

встрѣтись еще множество и другихъ промаховъ, которые отъ меня ускользають; по этому-то я хочу воспользоваться замѣчаніями повѣчительскаго совѣта.

Г. Водовозовъ въ одной своей статьѣ, помѣщенной въ журналъ министерства народнаго просвѣщенія, высказалъ довольно справедливую мысль, что если каждый изъ преподавателей словесности изложить откровенно постепенный ходъ своей педагогической дѣятельности, то этимъ самымъ во многомъ уяснится нашъ взглядъ на преподаваніе словесности; по этому я считаю не лишнимъ рассказать здѣсь о своемъ преподаваніи словесности въ Новочеркасской гимназій. Сказать правду, университетъ вовсе не приготовилъ меня для преподаванія словесности. Хотя я былъ на историко-филологическомъ факультетѣ, но мои познанія по словесности были очень скудныя. Вишнѣ себя въ этомъ я не могу, потому что Русская словесность въ мое время въ университетѣ преподавалась по гимназическому учебнику. Профессоръ не ознакомилъ насъ даже съ тѣми источниками, которыми можно бы было пользоваться при самостоятельныхъ занятіяхъ. По этому, по назначеніи меня на должность учителя, мнѣ предстояло идти въ потемкахъ, искать дорогу осязую; я не зналъ, съ чего начать, за что взяться, какими источниками пользоваться. А между-тѣмъ самолюбіе сильно подстрекало меня; желаніе не уронить себя въ глазахъ другихъ заставило меня заниматься упорно, усидчиво. Мой предшественникъ читалъ по запискамъ; слѣдовательно и мнѣ, по необходимости, нужно было выступить тоже съ своими записками. Подъ руками у меня было нѣсколько критическихъ статей Бѣлинскаго; я воспользовался его теоретическими замѣчаніями и, перекрестясь, выпустилъ ихъ въ видѣ своихъ записокъ. Но скоро я замѣтилъ, что дѣло идетъ плохо: воспитанники 6-го класса съ трудомъ усваиваютъ мои голыя, безъ всякихъ подтверждающихъ фактовъ, теоретическія замѣтки о поэзій, а въ 5-мъ классѣ никакъ не сладятъ съ логическими и психологическими опредѣленіями, которыми я началъ курсъ этого класса. Я хорошо зналъ, что нужно отъ фактовъ переходить къ теоріи, изъ примѣровъ выводить правила, а между-тѣмъ я самъ не съумѣлъ бы изъ разбора какого-нибудь сочиненія вы-

вести именно ту теорію, съ которою познакомился изъ Бѣлинскаго. Проверить же эту теорію по другимъ сочиненіямъ я не могъ, потому что Бѣлинскій на первыхъ порахъ сдѣлался для меня непогрѣшительнымъ авторитетомъ. Наконецъ я убѣдился, что для успѣшнаго хода дѣла необходимо моимъ слушателямъ знать побольше фактовъ, а изъ фактовъ теорія явится сама собою, но только не въ видѣ Гегелевскихъ философствованій Бѣлинскаго, а просто, какъ краткія замѣтки о разныхъ родахъ и видахъ сочиненій. Кроме того я увидѣлъ, что для яснаго уразумѣнія того или другаго рода сочиненій нужно прослѣдить исторически главнѣйшіе моменты его развитія у разныхъ народовъ; но, во-первыхъ, я самъ незнакомъ былъ съ Европейскими литературами, а во-вторыхъ, нѣтъ у насъ въ Русскомъ переводѣ хоть по одному образцу изъ каждаго періода развитія какого-нибудь рода поэзій или прозы. И такъ мнѣ пришлось ограничиться довольно скромною программой. Я считаю слишкомъ смѣлымъ назвать мой курсъ словесности 6-го класса теоріей поэзій или прозы, скорѣе — это краткія замѣтки о разныхъ родахъ и видахъ сочиненій, выведенныя изъ чтенія и разбора Русскихъ писателей и тѣхъ иностранныхъ, какіе есть въ Русскомъ переводѣ. Такъ, для опредѣленія свойствъ драматической поэзій я читаю царя Эдипа и Антигону, Софокла, Эдипа Колонейскаго — Озерова, потомъ главнѣйшія драмы Шекспира, Шиллера и Гете; при этомъ каждое чтеніе сопровождаю разборомъ и замѣчаніями объ отличіи и особенностяхъ разбираемаго сочиненія. Воспитанники записываютъ въ свои тетради содержаніе прочитаннаго и замѣчанія о прочитанномъ; подобное записываніе приучаетъ ихъ къ изложенію мыслей на письмѣ и отчасти замѣняетъ для нихъ практическія упражненія въ сочиненіяхъ, которыя идутъ своимъ чередомъ. Точно также я поступаю при опредѣленіи свойствъ и другихъ родовъ сочиненій. Смотря по тому — больше или меньше у меня матеріаловъ по разнымъ родамъ поэзій и прозы, и отдѣлы ихъ выходятъ или полнѣе или кратче. Слѣдовательно, мои краткія записки служатъ для воспитанниковъ какъ-бы конспектомъ; болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, что сжато изложено въ запискахъ, они найдутъ въ своихъ классныхъ

тетрадахъ. Большею частию приготовленіе къ уроку словесности воспитанниковъ 6 и 5-го и даже 4-го классовъ состоитъ у меня въ томъ, что они въ свои тетради должны записать то, что читали и разбирали на предыдущей лекціи. Классныя тетради я просматриваю во время самой лекціи, дѣлаю замѣчанія, поправляю ошибки. Разумѣется, въ классъ можно разсмотрѣть пять-шесть тетрадей, но такъ-какъ замѣчанія могутъ относиться ко всемъ, потому что всѣ воспитанники пишутъ объ одномъ и томъ-же, то этотъ способъ опредѣлять знанія воспитанниковъ все-таки лучше, чѣмъ простое переспрашиваніе заученнаго урока. Не нужно только приходить въ отчаяніе отъ множества логическихъ и грамматическихъ ошибокъ, какія могутъ часто встрѣчаться въ классныхъ тетрадяхъ воспитанниковъ; слѣдуетъ только помнить, что нельзя-же разомъ достигнуть совершенства, что обязанность учителя учить, а не пользоваться уже готовымъ развитіемъ учениковъ. Часто между нашею братіею педагогами встрѣчается такой грѣшокъ, что они жалуются на неразвитость своихъ учениковъ и вину въ этомъ сваливаютъ на своего предшественника или сотоварища, стараясь этимъ самымъ прикрыть свою собственную грѣшную лѣнь; часто учитель словесности жалуется, что воспитанники не знаютъ исторіи, учителя иностранныхъ языковъ всѣ вмѣстѣ нападаютъ на учителя Русскаго языка, на томъ основаніи, что незнаніе грамматики Русскаго языка задерживаетъ преподаваніе иностранныхъ языковъ. Но гг. недовольные забываютъ, что гимназія — не университетъ, что каждый изъ насъ не долженъ ограничиваться предѣлами своего предмета, но, при случаѣ и по мѣрѣ знанія, обязанъ сообщать свѣдѣнія и по другимъ предметамъ, а не глумиться надъ незнаніемъ воспитанниковъ и надъ оплошностію своего товарища. Какъ такой ограниченный взглядъ на гимназическій курсъ ученія вредитъ успѣшному ходу занятій, точно также и профессорскіе пріемы, докторальный тонъ въ самомъ преподаваніи въ гимназіяхъ, хотя-бы и въ высшихъ классахъ, рѣшительно не приносятъ никакой пользы. Вѣдь всѣ мы, окончившіе курсъ въ университетѣ, на первыхъ порахъ, такъ и смотримъ въ профессора, копируемъ въ своемъ преподаваніи пріемы любимаго профессора и

чтеніе своихъ лекцій ведетъ по-профессорски. Только опытъ можетъ убѣдить насъ, какъ мало знаній выносятъ воспитанники изъ подобныхъ лекцій; гораздо скорѣе усваиваютъ они тѣ замѣчанія, тѣ объясненія, которыя учитель рассказываетъ во время спрашиванія урока. Такъ, я замѣтилъ, что воспитанники тѣ только объясненія хорошо запоминаютъ, которыя я рассказываю при разборѣ классныхъ тетрадей и упражненій, мои же лекціи по-профессорски большею частию оставались совершенно безполезными.

По программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 6-мъ классѣ, кромѣ теоріи поэзій и прозы, полагается еще высшій курсъ грамматики. Что это за высшій курсъ грамматики, трудно отвѣтить опредѣленно. Историческая ли это грамматика Русскаго языка, общая ли философская, или сравнительная грамматика тѣхъ языковъ, которые преподаются въ гимназіяхъ? Вѣроятно, всякій изъ учителей словесности въ преподаваніи и этого отдѣла слѣдуетъ своему личному убѣжденію. По моему мнѣнію, высшій курсъ грамматики долженъ состоять въ объясненіи тѣхъ законовъ Русскаго языка и тѣхъ грамматическихъ формъ, которыя механически усвоены были воспитанниками въ 3 и 4 классѣ, напримеръ — объясненіе фонетическихъ особенностей литературнаго и простонароднаго языка, полногласіе, происхожденіе Русскаго прошедшаго времени глаголовъ отъ Славянскаго причастія, происхожденіе Русскихъ дѣепричастій отъ Славянскихъ причастій и т. п. Уяснить постепенное измѣненіе этихъ грамматическихъ формъ, показать употребленіе ихъ въ настоящее время какъ въ языкѣ литературномъ, такъ и простонародномъ, однимъ словомъ, сознательное усвоеніе воспитанниками того, что прежде они употребляли по привыкѣ или механически — вотъ въ чемъ, какъ я думаю, долженъ состоять этотъ, такъ-называемый, высшій курсъ грамматики. Но такъ-какъ этой цѣли можно достигнуть только помощію знакомства съ фонетикою и грамматическими формами Славянскаго и древне-Русскаго языка, по этому-то я, когда уже воспитанники достаточно познакомятся съ формами оборотовъ современнаго Русскаго языка, въ 5 классѣ ввожу въ преподаваніе грамматику Славянскаго языка, сравнительно съ Русскимъ, т. е. здѣсь я указываю только

на отличительныя особенности Славянскаго языка отъ Русскаго и на тѣ Славянскія грамматическія формы, которыя объясняютъ формы современнаго Русскаго языка. Такимъ образомъ, у меня грамматика Русскаго языка тѣсно связана съ грамматикою Славянскою; въ-слѣдствіе этого, я всегда при экзаменѣ воспитанниковъ 7-го класса становлюсь въ большое затрудненіе: въ чемъ же долженъ состоять тотъ отдѣлъ Русской словесности, который въ журналѣ имѣетъ свою отдѣльную графу подъ рубрикою *Славянской языкъ*, и если Славянскую грамматику отдѣлить отъ Русской, то въ чемъ же должна состоять эта Русская грамматика? Не ужели въ заученныхъ правилахъ пѣз Востокова, или въ писаніи подъ-диктовку и въ грамматическомъ разборѣ? Но такъ-какъ сознательное объясненіе грамматическихъ формъ Русскаго языка невозможно безъ знанія Славянской грамматики; то, слѣдовательно, по моему убѣжденію, не слѣдуетъ насильно разрывать на два отдѣла то, что естественно тѣсно связано между собою.

Содержаніе курса словесности 5-го класса болѣе всего затрудняетъ меня. Осмѣянная риторика съ ея изобрѣтеніями и топиками давно уже пала, частная риторика входитъ въ отдѣлъ прозаическихъ сочиненій, краткія логическія и психологическія свѣдѣнія трудно усваиваются воспитанниками 5-го класса, при скудномъ запасѣ фактовъ. Что же преподавать-то? Общія свойства сочиненій и стилистику? Но общія свойства сочиненій, *немудрствуя лукаво*, можно объяснить въ 10, а много въ 15-ть уроковъ, слѣдовательно, почти цѣлый годъ остается для стилистики. Но укажите мнѣ хоть одно порядочное сочиненіе по исторіи Русскаго языка и слога, чѣмъ бы я могъ руководствоваться. Въдѣ сочиненіе Буслаева «о преподаваніи отечественнаго языка» и Срезневскаго «мысли объ исторіи Русскаго языка» считаются библиографическою рѣдкостью. Вотъ почему курсъ 5-го класса у меня выходитъ самый краткій и притомъ самый пестрый: здѣсь немного о сочиненіяхъ вообще и о слогахъ, и о Славянскомъ языкѣ, сравнительно съ Русскимъ. Желая чѣмъ-нибудь пополнить скудость этого курса, я большую часть учебнаго года въ этомъ классѣ употребляю на практическія упражненія въ сочиненіяхъ. Читаю

и разбираю главнѣйшія сочиненія Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и потомъ Шекспира и Шиллера. Такъ-же какъ и въ 6 классѣ, и здѣсь ученики записываютъ содержаніе прочитаннаго и замѣчанія о языкѣ разбираемаго сочиненія. Кроме того, многочисленность воспитанниковъ въ 5-мъ классѣ нашей гимназіи не позволяетъ сдѣлать болѣе того, что я сказалъ. Обязанность каждый мѣсяцъ разобратъ 70 упражненій отнимаетъ очень много времени.

О 4-мъ и 7-мъ классахъ я не буду говорить подробно, потому что курсы словесности въ этихъ классахъ заключены въ болѣе опредѣленныхъ границахъ и не даютъ мѣста личному произволу. Замѣчу только, что въ 4-мъ классѣ я принимаю учениковъ отъ учителя Русскаго языка низшихъ классовъ и на первыхъ порахъ предлагаю имъ самыя легкія упражненія въ сочиненіяхъ. При этомъ я увидѣлъ, что ученики, которые знаютъ бойко всѣ грамматическія правила, пишутъ правильно подъ-диктовку, — въ своихъ упражненіяхъ дѣлаютъ такія грубыя грамматическія ошибки, которыя непростительны даже ученику 2-го класса. Подобное явленіе повторяется очень часто. Объяснить это можно только отсутствіемъ навыка и непривычкою къ самостоятельнымъ упражненіямъ; которыя, по моему мнѣнію, въ видѣ краткихъ предложеній, маленькихъ разсказовъ, слѣдовало бы начинать съ 1-го, а не съ 5-го класса, какъ это у насъ болѣею частію принято.

Въ исторіи Русской литературы, въ 7-мъ классѣ, я останавливаю вниманіе воспитанниковъ только на главнѣйшихъ явленіяхъ. Въ отдѣлѣ древней литературы, пользуясь статьями Буслаева, Леонасьева, Пыпина и Срезневскаго, я прохожу подробно о народной поэзіи, о старинныхъ Русскихъ сборникахъ повѣстей, но за-то оставляю второстепенныхъ духовныхъ писателей 14, 15 и 16 столѣтій. Кроме того имѣя въ виду подготовить воспитанниковъ 7-го класса къ составленію университетскихъ лекцій, въ дополненіе къ моимъ запискамъ, я предлагаю имъ по-очередно, по извѣстнымъ источникамъ, составлять лекціи о тѣхъ отдѣлахъ литературы и о тѣхъ писателяхъ, которые не вошли въ мои записки.

Я изложилъ въ общихъ чертахъ содержаніе моихъ курсовъ словесности и мой способъ преподаванія; надѣюсь, что совѣтъ при попечителѣ Харь-

ковскаго округа не оставитъ меня своими замѣчаніями, укажетъ на тѣ недостатки моего преподаванія, которые я самъ не могъ замѣтить. Я не боюсь рѣзкихъ отзывовъ и замѣчаній, лишь-бы только они были справедливы, высказаны не подъ личнымъ пристрастіемъ къ своему только любимому способу преподаванія, и такимъ образомъ принесли бы пользу общему дѣлу.

2. Изъ «Опыта преподаванія новаго періода Русской литературы».

Кантемиръ и Тредьяковскій.

Кантемиръ и Тредьяковскій начали писать прежде Ломоносова лѣтъ за десять. Оба они получили Европейское образованіе и первые положили начало нашей свѣтской литературѣ, которая до того времени ограничивалась проповѣдью, поученіями и лѣтописями.

Князь *Антіохъ Кантемиръ*, аристократъ по происхожденію, по службѣ полномочный министръ при дворахъ Ангійскомъ и Французскомъ, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей въ Ломоносовскій періодъ нашей словесности. Время отъ своихъ служебныхъ обязанностей онъ любилъ проводить въ *пріятномъ отдохновеніи съ музами* или въ *бесѣдѣ съ Греки и Латины*. Онъ писалъ басни, эпиграммы, пѣсни; но особенно его сатиры, которыхъ считается 8, имѣютъ важное значеніе въ нашей литературѣ. Изъ всѣхъ сатиръ Кантемира особеннаго вниманія заслуживаютъ 2 первыя, какъ вѣрныя выразительницы тогдашнихъ общественныхъ недостатковъ. Петръ Великій ввелъ къ намъ новыя идеи о достоинствѣ челоѣка въ жизни общественной, которое дотомъ основывалось преимущественно на родовитости и разрядныхъ книгахъ. Плохо пришлось бородатымъ боярамъ, которые годны были только засѣдать въ совѣтѣ, *уставля свои бороды и ничего не отвѣщая*; плохо стало и типеславнымъ баричамъ, которые умѣли только *нѣжиться въ пуху, подъ парчею* и требовать высокихъ должностей и блестящихъ наградъ, опираясь на заслуги своихъ предковъ. Между тѣмъ какъ они высказывали свои жалобы, что ихъ обходятъ чинами и лентами, люди незнатнаго рода, за свои личныя заслуги, занима-

ли первыя мѣста въ государствѣ. При такомъ порядкѣ дѣлъ, въ старомъ поколѣніи образовалась толпа недовольныхъ, питавшая заклятую вражду къ просвѣщенію и выскочкамъ. Такое состояніе общества всего болѣе предлагало матеріала для сатиры, и первымъ произведеніемъ Кантемира было сатира на *хулящихъ ученіе, или къ уму моему*. Она была написана въ 1729 году, когда автору было только 20 лѣтъ. Во внѣшней формѣ Кантемиръ здѣсь видимо подражалъ сатирѣ Буало: *à son esprit*. Послѣ обращенія къ уму, слѣдуетъ рядъ картинъ тогдашняго общества, написанныхъ довольно вѣрно. Поэтъ заставляетъ невольждъ, подъ вымышленными именами, говорить филиппики противъ просвѣщенія. Такъ ханжа *Критонъ*, не шутя, видитъ въ наукѣ причины ересей и расколовъ. Скупой *Сильванъ* говоритъ, что въ *невѣжествѣ* гораздо больше хлеба жали. Любитель пировъ *Лука* хулитъ науку за то, что будто она разрушаетъ *содружество людей*. Щеголь *Медоръ* тужитъ и горюетъ, что черезъ *чужъ много исходитъ бумаги на письма и книги*, а ему не во что завернуть свои кудри.

Вторая сатира, написанная скоро послѣ первой, имѣетъ форму разговорную. Разговоръ происходитъ между Филаретомъ и Евгеніемъ. Здѣсь авторъ нападаетъ на *зависть и гордость дворянъ злонравныхъ*. Непредвидѣнное возвышеніе такъ называемыхъ выскочекъ глубоко оскорбляетъ самолюбіе *внуковъ Ольги*. Она громко подняла ропотъ противъ забвенія *своего благородства*, что они въ пренебреженіи съ *ихъ пышными именами*. И такъ, въ первыхъ двухъ сатирахъ Кантемиръ нападаетъ на враговъ Петровской реформы. Враги эти были двухъ родовъ: приверженцы старины и безсмысленные подражатели внѣшнему лоску Европейской цивилизаціи, превратно понимавшіе характеръ Петровыхъ преобразованій. Въ другихъ сатирахъ Кантемиръ изрѣдка, мѣстами, дополняетъ высказанные прежде недостатки Русскаго общества, но больше смѣется надъ недостатками общечеловѣческими и въ нихъ онъ является подражателемъ Римскихъ сатириковъ Горация, Ювенала и французза Буало.

Но подражая этимъ писателямъ, Кантемиръ занимается у нихъ не содержаніемъ, а планъ и поэти-

ческие приемы, не сущность мысли, а материал слога. Въ готовые формы вставлялъ онъ изображеніе современной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Въ сатирахъ Кантемира, такъ какъ и въ другихъ его сочиненіяхъ, нѣтъ творчества, нѣтъ изящества рѣчи, длинные силлабическіе стихи жестки, досадны ушамъ. У него нерѣдко встрѣчаются образы неграціозные, выраженія до того грубыя, что языкъ не поворачивается произнести ихъ; но за-то эти сатиры представляютъ ясное, хотя и не полное, выраженіе современной жизни. Особенное свойство Кантемира заключается въ томъ, что онъ, *хотя именъ не значить*, но прямо выражаетъ то, что хочетъ сказать, не думая о литературныхъ прикрасахъ, о тонкости насмѣшки или проиія. Выходки его противъ недостойныхъ и забавныхъ людей столько-же ясны, сколько грубы, и обличенія говорятъ не въ бровь, а прямо въ глаза.

«Вѣчный труженникъ, а мастеромъ
никогда не будетъ».

Слово Петра Великаго о
Тредьяковскомъ.

Василій Кирилловичъ Тредьяковскій родился въ 1709 году. Сынъ приходскаго священника, воспитывался первоначально въ Астраханскомъ духовномъ училищѣ. Но скудный училищный курсъ не удовлетворялъ его благородной страсти къ ученію, и 19 лѣтъ онъ былъ отправленъ своимъ отцемъ въ Москву, въ Славяно-Греко-Латинскую академію. Здѣсь неутомимый Тредьяковскій, благодаря своему прилежанію, изучилъ хорошо Славянскій языкъ, ознакомился съ иностранными языками и даже перелагалъ на Русскія рѣченія неизвѣстныхъ слова чужихъ языковъ. Преподаватели и товарищи отличали его успѣхи и трудолюбіе и лишь изрѣдка подшучивали надъ его *Славянскимъ глупословіемъ*, т. е. страстью говорить *по-Славянски*. Въ этой школѣ Тредьяковскій изучилъ затѣйливую риторикъ съ ея изобрѣтеніемъ и красноглаголаніемъ, позналъ пѣтику и силлабическое стихосложеніе, вооружившись узанными правилами, возымѣлъ *не-сказанную продержзость* испытать свои собственныя силы въ сочиненіи стихотворныхъ драмъ. Но изъ

всѣхъ сочиненій своихъ, писанныхъ въ Славяно-Греко-Латинской академіи, самъ Тредьяковскій остался доволенъ только *пѣсенкой*, которую онъ сочинилъ на свой выѣздъ въ чужіе края:

Весна котить,

Зиму волить,

Поютъ птички

Со синички,

Хвостомъ машутъ и лисички и т. д.

Въ 1725 году, съ открытіемъ академіи наукъ, пресловутый *Рычелочецъ* былъ переведенъ въ гимназію, устроенную при академіи. Черезъ два года, Тредьяковскій до того успѣлъ въ преподаваемыхъ предметахъ, что начальство рѣшило отправить его въ Парижскій университетъ для окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ. И Тредьяковскій, какъ самъ говоритъ, *переплылъ на драгій берегъ Сенскій, гдѣ быть не смѣетъ манеръ дересенскій*. Здѣсь Тредьяковскій съ жаромъ принялся за науки и усердно посѣщалъ лекціи Парижскаго университета. Свои досуги отъ университетскихъ занятій, Тредьяковскій иногда посвящалъ литературѣ: Россія и Парижъ были любимыми предметами его пѣноптій. Но всѣ эти пѣссы не болѣе какъ тяжелыя и плохія вирши. Изъ заграничныхъ трудовъ его пользуется большою извѣстностію переводный романъ: *пѣзда на островъ Любви*.

Въ 1730 г. Тредьяковскій возвратился изъ-за границы съ отличнымъ аттестатомъ Парижскихъ профессоровъ о своихъ занятіяхъ и съ довольно толстою тетратью стиховъ и прозы своего издѣлія. Хорошій аттестатъ доставилъ ему мѣсто академическаго переводчика. Въ этомъ званіи онъ былъ представленъ Аннѣ Іоанновнѣ и произнесъ передъ нею эпиграмму:

Пускай тѣ злато, другія честь высоко

Любятъ, тѣ имѣтъ во всемъ власть широкую.

Но мнѣ сей токмо верхъ есть славы данный,

Что Величества Вашего подданный.

Стихи понравились Императрицѣ и она повелѣла автору сочинить слово. И дѣйствительно, ко дню тезоименитства Государыни, былъ уже готовъ *Панегирикъ*, въ которомъ довольно подробно изложено, что *Ея Величество* выпиними дарованіями изящ-

на, а внутренними еще изящнейша. Скоро послѣ того возвысили Тредьяковского и дали ему *титло придворнаго стихотворца*. Въ качествѣ академическаго секретаря, Тредьяковскій писалъ много сочиненій по языку и словесности, сочинялъ оды и пѣсни; за одну изъ нихъ, какъ онъ самъ просто-душно сознается, имѣлъ счастье получить отъ державной руки *Всемиловитѣйшую оплеушину*. Почетное титло придворнаго стихотворца было у него невинной причиною непріятной исторіи съ кабинетъ-министромъ Вольнскимъ. Тредьяковскій жаловался Бирону на безчестіе и увѣче, причиненное ему Вольнскимъ, за что получилъ денежное вознагражденіе. Елисавета Петровна не оставила при себѣ придворнаго поэта; она назначила ему другое мѣсто, гдѣ онъ больше могъ принести пользы, именно мѣсто профессора *элоквенціи Россійскія и Латинскія*. 18 лѣтъ Тредьяковскій читалъ свои дѣльныя лекціи объ элоквенціи и стихотворствѣ. Въ этотъ же періодъ своей жизни Тредьяковскій *услужилъ дражайшему отечеству* переводомъ многотомной Ролленовой исторіи. Но труды и годы изнурили бѣднаго труженика, изъ послѣднихъ его трудовъ осталась всѣхъ извѣстнѣе несчастная *Телемахиды*, изъ которой одна Екатерина Великая умѣла сдѣлать такое счастливое употребленіе. Въ сладкой увѣренности, что онъ *угощаетъ читателя творческимъ питьемъ и медоточнымъ нектаромъ* въ своей Телемахидѣ, Тредьяковскій сошелъ въ могилу въ 1769 году.

Судьба Тредьяковского въ нашей словесности самая горькая и безотрадная: съ именемъ Тредьяковского всегда соединяется представленіе образцовой бездарности; имя его обратилось въ общее посмѣшнѣе, изъ него сдѣлали бранное слово. Дѣйствительно, перечитывая его уродливые и чудовищные стихи, мы убѣждаемся въ рѣшительной неспособности Тредьяковского *быть пѣнтомъ*. Впрочемъ, въ нескладности стиховъ Тредьяковского вѣновато также тогдашнее состояніе нашего языка. Въдѣ тотъ же Тредьяковскій, сочинялъ стихи на обработанномъ Французскомъ языкѣ, является вовсе не смѣшнымъ стихотворцемъ. Но какъ профессоръ, какъ ученый, Тредьяковскій оставилъ намъ нѣсколько весьма дѣльныхъ сочиненій по *теоріи поэзіи* и

языка. Въ ту пору, когда Буало, Европейскій законодатель теоріи поэзіи, называлъ ее *l'art des vers* и въ ней видѣлъ одно подражаніе природѣ, Тредьяковскій училъ, что иное бытъ *пѣнтомъ*, а иное стихи *слагать*; въ поэзіи онъ видѣлъ не простое подражаніе, но и *творчество*.

По теоріи языка Тредьяковскій написалъ два сочиненія: первое *Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ*, гдѣ онъ доказываетъ, что наше стихосложеніе должно быть *тоническое, на единомъ удареніи голоса основанное*. Въ другомъ сочиненіи: *Разговоръ объ орфографіи старинной и новой*, Тредьяковскій силится доказать, что та орфографія совершенно правильна, которая одни только звонныя наблюдаетъ, т. е. слова нужно писать такъ, какъ они выговариваются.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Стихотвореніе Пушкина «Отрокъ» вѣрно опредѣляетъ значеніе Ломоносова въ Русской литературѣ.

«Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря.
Мальчикъ отцу помогалъ. — Отрокъ оставъ рыбака!
Мрежи нынѣ тебя ожидаютъ, нынѣ заботы;
Будешь умы умовлять, будешь помощникъ царямъ».

На берегу Сѣвернаго моря, у Холмогорскаго рыбака Василія Ломоносова, въ 1711 году, родился сынъ Михайло. Умный мальчикъ часто провожалъ своего отца на рыбную ловлю, въ Бѣлое и Сѣверное моря; картины сѣверной природы вѣзались въ его воображеніе. Но среди этихъ занятій, въ мальчикѣ явилось какое-то непреодолимое влеченіе къ ученію, въ тайнѣ отъ отца и своей злой мачихи, онъ выучился грамотѣ у одного дьячка, выучилъ наизусть арифметику и Славянскую грамматику. Но злая мачиха не давала покоя бѣдному мальчику. Тогда-то у Ломоносова явилось желаніе бѣжать въ Москву, гдѣ, какъ онъ думалъ, и Латинскій языкъ откроетъ ему тайны премудрости «и гдѣ много книгъ», по словамъ его учителя. Въ одну зимнюю ночь, по жестокому морозу, въ одномъ нагольномъ тулупѣ Ломоносовъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, и приставши къ обозу, дохалъ съ нимъ до Москвы. Здѣсь, по ходатайству одного монаха, онъ бытъ зачисленъ въ Заиконоспасское училище. Бѣдность и насмѣшки товарищей

преслѣдуютъ его въ школѣ. Получая одинъ алтынъ жалованья въ день, Ломоносовъ часто терпѣлъ недостатковъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Съ другой стороны «школьники, малые ребята», какъ говорить самъ Ломоносовъ, кричали, и указывая на него перстами, говорили: «смотри, какой болванъ, лѣтъ въ 20 пришелъ Латыни учиться». Несмотря однакожь на все это, Ломоносовъ учился прилежно и своими успѣхами изумлялъ наставниковъ и товарищей. Спасская школа не могла удовлетворить его любознательности. Смутное предчувствіе ему говорило, что это не тѣ науки, къ которымъ рвалась его душа. Ему удалось побывать и въ Кіевской академіи, но тамъ онъ встрѣтилъ пустыя словопренія и схоластическія умствованія. Вскорѣ, въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ, Ломоносовъ былъ отправленъ 1735 г. въ академическую гимназію для изученія физики и математики. Новыя науки на-время удовлетворили тревожный духъ юноши, но скоро опять въ немъ заговорила тоска о болѣе обширномъ кругѣ свѣдѣній. Наконецъ сбылись мечты Ломоносова: послѣ двухлѣтняго пребыванія въ академической гимназіи, онъ былъ отправленъ въ Германію къ знаменитому тогда ученому Христіану Вольфу, который принялъ его очень радушно. Съ жаромъ принялся здѣсь Ломоносовъ заниматься математикою и естественными науками. Въ то-же время онъ изучаетъ Нѣмецкихъ поэтовъ и, по ихъ образцамъ, старается создать новое Русское стихосложеніе, и изъ Германіи привѣтствуетъ свое отечество первыми Русскими стихами: *Ода на взятіе Хотина*, 1739 г. Но здѣсь снова преслѣдуютъ его испытанія судьбы. Ломоносовъ влюбился въ дочь одного бѣднаго Нѣмца и тайно женился на ней. Этой женитьбой онъ поставилъ себя въ затруднительное положеніе: получаемого имъ жалованья было недостаточно для содержанія семейства, страшная бѣдность снова угрожаетъ ему, и онъ оставляетъ жену и дочь на волю Божию, а самъ бѣжитъ въ Россію. Вотъ уже Ломоносовъ и профессоръ академіи, но и здѣсь въ своихъ занятіяхъ встрѣчаетъ онъ препятствія и противодѣйствія со стороны людей невѣжественныхъ и завистливыхъ. Товарищи Ломоносова по наукѣ, Нѣмцы отличались своею медленностію, аккуратностію, формализмомъ. Для

нихъ пламенные порывы Ломоносова по всѣмъ отраслямъ знанія казались просто хвастливымъ безуміемъ, и его горячій характеръ былъ причиною многихъ ссоръ. Въ самомъ дѣлѣ, аккуратнымъ и методичнымъ Нѣмцамъ казалось нелѣпостію и самохвальствомъ, что Ломоносовъ въ одно и то-же время писалъ оды, наблюдалъ прохожденіе Венеры, сочинялъ эпическія поэмы, изобрѣталъ мозаику, составлялъ грамматку и риторику, писалъ Русскую исторію, издавалъ трагедіи, выдумывалъ планы для университета и. т. д. Такъ прошло 20 лѣтъ, и пия Ломоносова приобрѣло громкую славу. Онъ избранъ въ члены Стокгольмской и Болонской академій, онъ въ кругу знати; Холмогорскаго рыбака принимаютъ и любятъ Разумовскій, Воронцовы, Шуваловы. Императрицы Елисавета Петровна и Екатерина Великая ему покровительствуютъ. Но геніальная душа Ломоносова хочетъ все большаго. Вотъ уже Ломоносову угрожаетъ старость, скорбь, болѣзнь, послѣ жизни бурной, безпокойной, дѣятельной. «Вижу, говорилъ Ломоносовъ на смертномъ одрѣ, вижу, что скоро мнѣ умереть, равнодушно смотрю я на смерть и только о томъ жалю, что не успѣлъ окончить начатаго мною для пользы отечества, жалю, что благія намѣренія исчезаютъ со мною». Такъ скончался онъ въ 1765 году. Одаренный многостороннимъ и пытливымъ умомъ, Ломоносовъ съ неустомимою жадностію гонялся за всѣми отраслями знанія, переходилъ отъ исторіи къ химіи, отъ мозаики къ краснорѣчію и въ то-же время занимался Русскимъ языкомъ, грамматикою и стихотворствомъ. Въ одно время онъ былъ и историкомъ, и стихотворцемъ, и ораторомъ. Кромѣ его ученыхъ сочиненій по физикѣ и химіи, его труды по Русскому языку и словесности справедливо утверждаютъ за нимъ названіе отца Русской словесности и законодателя Русскаго языка. Но родясь съ призваніемъ къ ученой дѣятельности, предпочитая всегда науку поэзіи, Ломоносовъ въ поэзіи естественно долженъ былъ подражать поэтамъ иностраннымъ — Нѣмецкимъ и Французскимъ. Въ это время во всей Европѣ господствовала ложно-классическая школа и безотчетное подражаніе древнимъ. У этихъ-то ложно-классическихъ поэтовъ особенно у Гинтера, Малерба, и Жанъ-Батиста Руссо, Ломоносовъ заимствовалъ и

искусственный восторгъ, и напыщенный педантизмъ, и школьную форму ложнаго классицизма. Уделяя свободные часы стихотворству, Ломоносовъ написалъ много одъ на разныя официальные случаи, на маскарады, праздники, паниминаціи. Въ этихъ одахъ безпрестанно встрѣчаются Аполлоны, Музы, Парнасъ, какъ необходимыя украшенія классической оды. Впрочемъ, несмотря на высокопарность этихъ одъ, онѣ удовлетворяли требованіямъ тогдашняго общества, которое смотрѣло на поэзію, какъ на шутовство, какъ на необходимую принадлежность всякихъ праздниковъ и паниминацій, и которое обращалось съ поэтами, какъ съ шутами. Однакожъ, въ одахъ Ломоносова мѣстами мы находимъ что-то похожее на поэзію, когда онъ касается тѣхъ предметовъ, которые сильно трогали его сердце и были источниками его поэтическаго вдохновенія. Эти благородные источники его вдохновенія были: *религія, отечество, наука*. Въ образецъ религіозной поэзіи Ломоносова, можно взять его «Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», и «обращеніе къ Іову» въ 9-й духовной одѣ. Кромѣ того, подъ вліяніемъ патріотическаго одушевленія, Ломоносовъ написалъ оды «на восшествіе на престолъ Елисаветы и Екатерины». Но былъ еще герой, къ которому постоянно обращалась мысль и чувства Ломоносова: это преобразователь Россіи — Петръ Великій. О немъ онъ говоритъ въ эпической поэмѣ «Петръ Великій» и въ «Похвальномъ словѣ Петру Первому».

Какъ законодатель Русскаго языка, Ломоносовъ первый составилъ Русскую грамматику, которая въ теченіе 50 лѣтъ была почти единственнымъ руководствомъ для изученія Русскаго языка. Онъ также составилъ риторикъ и подтвердилъ правила съ примѣрами изъ своихъ сочиненій. Ломоносовъ первый сообщилъ нашему языку богатство и правильность, отдѣлилъ Славянскій языкъ отъ Русскаго; дѣленіемъ языка на три стѣни: высокій, средний и низкій, показалъ, когда въ какихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ употреблять слова и выраженія Славянскія, а когда Русскія. Огнорельно вліянія Ломоносова на Русскую литературу, мнѣніе нашихъ критиковъ различны, особенно замѣчательны отзывы о Ломоносовѣ Пушкина и Бѣлинскаго. Ломоносовъ,

говоритъ Пушкинъ, былъ первымъ нашимъ университетомъ, но въ этомъ университетѣ профессоръ поэзіи ничто иное, какъ исправный чиновникъ, а не вдохновенный поэтъ. Схоластическая величавость, полу-славянская, полу-латинская высокопарность составляютъ отличительную черту его сочиненій. Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія; оды его утомительны и надуты, его вліяніе на словесность было вредное и досихъ поръ въ ней отзывается. Гораздо справедливѣе отзывъ Бѣлинскаго о Ломоносовѣ. Ломоносовъ былъ первымъ нашимъ поэтомъ. Хотя его поэзія не шевелитъ нашего воображенія и сердца, а производитъ только скуку и зѣвоту; однако нельзя не признать въ немъ значительнаго дарованія, которое пробивается сквозь ложныя формы риторической поэзіи. Но какъ преобразователь языка и словесности, Ломоносовъ занимаетъ высокое мѣсто въ нашей литературѣ, онъ далъ намъ образцы всѣхъ родовъ словесности, создалъ новыя для насъ формы прозы и поэзіи и поставилъ нашъ языкъ наряду съ образованными Европейскими языками. Между Петромъ Великимъ и Екатериною II, Ломоносовъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія, и на преобразование, совершенное имъ въ Русской словесности и языкѣ, должно смотрѣть какъ на преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ.

Гавриилъ Романовичъ Державинъ.

«Первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слоgъ,
О добродѣтеляхъ Фелицы возвѣстить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить».

Державинъ родился въ Казани, въ 1743 году. Фамилія Державиныхъ происходила отъ Татарскаго мурзы Багрима; поэтому Державинъ въ своихъ сочиненіяхъ называетъ себя мурзою. Есть преданіе, что первымъ младенческимъ лепетомъ Державина было слово «Богъ» и однимъ изъ первыхъ свободныхъ движеній руки младенца, было указаніе на комету, появившуюся въ 1741 г., когда Екатерина прибыла въ Россію. Сначала Державинъ воспитывался въ Казанской гимназіи и 15-ти лѣтъ уже писалъ стихи, романы, сказки; но все то уничтожалъ, не показывая никому даже школь-

нымъ своимъ товарищамъ. По окончаніи курса въ гимназіи, Державинъ отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ рядовымъ. Замѣчательно, что будущій пѣвецъ Екатерины Великой стоялъ на часахъ во дворцѣ въ ту самую ночь, когда послѣдовало ея восшествіе на престолъ. Живя въ Петербургѣ, въ полковыхъ казармахъ, Державинъ продолжалъ заниматься чтеніемъ книгъ и писаніемъ стиховъ на разные случаи. «Правило поэзіи» говоритъ онъ «я почерпалъ изъ сочиненій Тредьяковского, а въ выраженіяхъ и слоги старался подражать Ломоносову». Но всѣмъ этимъ первыми опытами Державинъ былъ недоволенъ, и потому уничтожилъ ихъ безъ всякаго сожалѣнія. Получивши офицерскій чинъ, Державинъ, подъ начальствомъ Библикова, участвовалъ въ походѣ противъ Пугачева; по возвращеніи въ Петербургъ, онъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Четалагайскія оды», которыя такъ названы потому, что написаны были въ Саратовской губерніи, при горѣ Четалагой. Но все, что онъ писалъ Державинъ, казалось ему ничтожнымъ. «Въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ», говоритъ Державинъ, я хотѣлъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что я не могъ выдержать красиваго оборота словъ велемлія и пышности, свойственныхъ Россійскому Пиндару. По этому Державинъ съ 1779 г. избралъ совершенно особый путь, сталъ руководствоваться наставленіями французъ Баттѣ. Въ 1780 году, во время заутрени въ свѣтлое воскресенье, у Державина въ первый разъ родилась мысль написать оду «Богъ», а черезъ годъ появилось другое гениальное произведение «Фелица», которое безъ вѣдома и противъ желанія автора было напечатано книжницей Дашковой. Благоговѣя предъ славою Екатерины, Державинъ въ этомъ сочиненіи первый заговорилъ съ нею, какъ съ человекомъ, а не съ Государыней, первый рѣшился подойти прямо къ ея трону, а не къ передней какого-нибудь вельможи, и не съ громогласною одою, а съ искреннимъ выраженіемъ чувства признательности и благоговѣнія къ ея мудрому управленію. Фелицею это стихотвореніе названо потому, что въ одной изъ сказокъ, написанныхъ Императрицею, Фелица, богиня счастья, указываетъ путь мла-

дому царевичу Хлору, въ которомъ олицетворенъ разсудокъ, «взойти на ту высокую гору,

Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,

Гдѣ добродѣтель обитаетъ».

Говорятъ, что Екатерина, прочитавши эту оду, была до глубины души растрогана искренностью чувствъ поэта и пожелала узнать имя автора, который такъ хорошо могъ понимать еѣ. Черезъ нѣсколько дней, Державинъ, обѣдая у Князя Вяземскаго, получаетъ принесенный почтальономъ пакетъ съ надписью: «изъ Оренбурга, отъ царевны Киргизъ-Кайсацкой, Державину». Въ пакетъ находилась золотая табакерка, осыпанная брилліантами и въ ней 500 червонцевъ. Съ этого времени начинается другой періодъ жизни и поэзіи Державина. Его немедленно представили ко двору благодарить за Высочайшую милость. Шумно заговорили въ Петербургѣ и во всей Россіи о Фелицѣ и о Державинѣ. Поэты писали ему стихи, посланія; подражателей явилась толпа. Выразивъ свои чувства въ одѣ «Благодарность Фелицѣ», Державинъ вслѣдъ за тѣмъ написалъ «Видѣніе мурзы». Слава пѣвца Фелицы возбудила противъ него злобу и зависть. Многіе осуждали Державина за смѣлость, съ какою дерзнулъ коллежскій совѣтникъ подойти къ трону, другіе искали въ его Фелицѣ намековъ на знатнѣйшихъ вельможъ, третьи упрекали его въ лести. Все это Державинъ выразилъ въ «Видѣніи мурзы». Скоро, дѣйствительно Державинъ былъ удаленъ отъ двора и назначенъ губернаторомъ въ Олонекскую губернію, а потомъ въ Тамбовскую. Здѣсь Державинъ рѣшился бросить стихотворство и принятъ за дѣло; но горячій нравъ и пылкость поэта не сладили съ хитростью и служебною лбедою. Его смѣнили съ губернаторства и отдали подъ судъ. Живя въ Петербургѣ подъ отвѣтомъ, Державинъ написалъ оду «На счастье», «Коварство» и «Изображеніе Фелицы». Въ 1791 г. Державина оправдали, и Екатерина назначила его своимъ статсъ-секретаремъ. Здѣсь начинается новый періодъ жизни Державина. Современники увидѣли въ немъ вельможу, литераторы покровителя, явились льстецы и прислужники. Смерть Потемкина, великолѣпнаго князя Тавриды, вызвала замѣчательное его стихотвореніе «Водопадъ».

Но самъ Державинъ сильно сомнѣвался въ своемъ поэтическомъ призваніи. «Авторомъ быть я, говоритъ онъ, никогда не готовился, а упражнялся въ поэзіи только иногда, между дѣломъ по службѣ». «Въ это-же время были написаны лучшія его стихотворенія: «Вельможа», «Приглашеніе къ обѣду», «Къ первому сосѣду». Екатерина скончалась, наступило время страшной борьбы съ Наполеономъ, и Державинъ воспѣвалъ начало войны, паренія орла надъ головою Кутузова, гибель полчищъ Наполеона. Окончивъ свое служебное поприще въ должности министра юстиціи, Державинъ, еще 13 лѣтъ жилъ въ уединенномъ своемъ имѣніи Званкѣ, изрѣдка появляясь въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ думалъ испытать свои силы въ сочиненіи драматическихъ піесъ; но опыты его были неудачны. Онъ умеръ въ 1816 году. Обыкновенно говорятъ, что Державинъ — пѣвецъ царствованія Екатерины Великой, что въ его сочиненіяхъ отразился Русскій XVIII вѣкъ, который такъ рельефно выраженъ въ превосходномъ стихотвореніи Пушкина «Вельможа». Дѣйствительно, поэзія Державина — это сама Россія Екатерининскаго вѣка, съ чувствомъ исполнскаго могущества, съ нововведеніями Европейскими и остатками старыхъ предразсудковъ и повѣрій. «Это Россія пышная, великолѣпная, убранныя въ Азіатскіе жемчуги и камни, но еще полудикая, полуварварская, полуграмматная. Съ двухъ сторонъ отразился Русскій XVIII вѣкъ въ поэзіи Державина: со стороны наслажденія и пировъ, и со стороны трагическаго ужаса при мысляхъ о смерти. Въ прошломъ столѣтіи, по понятіямъ нашего вельможничества, заимствованнымъ съ запада, великолѣпіе, роскошь, пиры, казалось, составляли цѣль жизни. Несмотря на свои благоразумные толки объ умѣренности, Державинъ часто вдохновляется восторгомъ при изображеніи картинъ такой жизни. Съ особенною рѣзкостью эта мысль высказывается въ одѣ къ «Первому сосѣду», одномъ изъ лучшихъ произведеній Державина. Такъ, въ заключеніе этой оды онъ говоритъ.

«Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя, —
Пей, ѣшь и веселись сосѣдъ!
На свѣтъ жить намъ время срочно;

Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за конемъ нѣтъ».

Но пиршественная жизнь была только одною стороною того времени. Съ другой стороны, всегда является грустное чувство отъ мысли, что нельзя же вѣкъ пировать, что безпощадная смерть рано или поздно положитъ конецъ этой счастливой жизни. При такой жизни очень естественно, что Державина могли смутить «глаголь времени, металла звонъ» или смерть великолѣпнаго князя Тавриды; этотъ мотивъ Державинской поэзіи высказывается съ особенною полнотою и торжественностью тона въ превосходной одѣ «На смерть князя Мещерскаго», которая вмѣстѣ съ Водопадомъ и Фелицею составляютъ вѣнецъ поэзіи Державина. Отчаяніе, ужасъ овладѣваютъ поэтомъ, когда Мещерскій, съ пышности, прохлады и нѣтъ, былъ пораженъ безпощадною смертію, и

«Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ».

Искреннее и душевное чувство, которымъ проникнуты всѣ гимны Державина къ Екатеринѣ Великой, смѣлый и благородный тонъ, какимъ всѣ они отличаются, доказываютъ, что дѣйствительно, не смотря на лести и низкопоклонничество того времени, эпоха царствованія Екатерины была благопріятна для развитія поэзіи и давала для нея разумное содержаніе. Царствованіе Екатерины, эта эпоха блестящихъ и великихъ дѣлъ, мудрыхъ преобразованій, разумаго и гуманнаго законодательства, вполне прельефно отразилось въ лучшихъ сочиненіяхъ Державина. Ода «Фелица» одно изъ лучшихъ созданій Державина, несмотря на значительную свою величину, вся проникнута единствомъ искренняго неподдѣльнаго чувства. Олицетворяя въ себѣ современное общество, поэтъ тонко хвалитъ Фелицу, и сопоставляя себя съ нею, сатирически изображаетъ свои пороки. Въ своихъ торжественныхъ одахъ Державинъ является болѣе оффиціальнымъ, чѣмъ истинно вдохновленнымъ поэтомъ; къ тому-же самыя событія, которыя воспѣваются въ этихъ одахъ, для насъ уже потеряли свое значеніе.

Таковы его оды «На взятіе Варшавы», «На взятіе Измаила», «На победы въ Италіи» и т. д. Во многихъ стихотвореніяхъ Державина, личный характеръ его, какъ человека, является съ весьма хорошей стороны. Несмотря на то, что онъ жилъ въ вѣкъ милостивцевъ, что въ то время лести и угодничество считалось добродѣтелью, а мстить и пѣть значило одно и то-же, — Державинъ рѣзко изображаетъ порочную жизнь современныхъ ему вельможъ и въ то-же время хочетъ воспламенить въ нихъ искру благородства, завѣщая имъ:

«Змѣей предъ трономъ не стѣбаться,
Стоять и правду говорить!».

Отличительныя свойства Державинской поэзіи — живописность, образность и необыкновенно мощная и смѣлая фантазія. Вся природа въ глазахъ поэта, всѣ его думы и чувства облекаются въ образы, часто гиперболическіе. Изображаетъ ли онъ Фелицу, смерть Потемкина, блѣдный скелетъ смерти — вездѣ у него образы, одинъ ярче другаго. Необыкновенно сильная и смѣлая фантазія поэта поразительно проявляется въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Суворовъ лучше всѣхъ постигъ эту силу Державинской поэзіи. Переходя грозныя вершины С. Готарда, Суворовъ спросилъ у своихъ солдатъ: грянетъ ли о насъ Державинъ? — Слово *грянетъ* въ устахъ Суворова вполне выражаетъ характеръ Державинской поэзіи.

Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ.

. въ стары годы
Сатиры смѣлый властелинъ
Блесталъ Фонъ-Визинъ, другъ свободы.
А. С. Пушкинъ.

Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ родился въ Москвѣ, почти въ одно время съ Державинымъ. Четырехъ лѣтъ онъ уже учился грамотѣ. Родители его были набожныя и потому заставляли его читать церковныя книги. По учрежденіи Московскаго университета, фонъ-Визинъ поступилъ въ число его воспитанниковъ. Когда нужно было представить куратору университета Шувалову лучшихъ воспитанниковъ, то въ числѣ ихъ былъ отправленъ въ Петербургъ и фонъ-Визинъ. Блескъ двора и театръ произвели сильное впечатлѣніе на его юное воображеніе. Въ одинъ годъ съ Державинымъ, фонъ-

Визинъ поступилъ въ гвардію, но скоро потомъ былъ переведенъ на службу въ иностранную коллегію, подъ начальство графа Никиты Ивановича Панина. Фонъ-Визинъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу. Во время этихъ поѣздокъ онъ писалъ письма къ графу Панину и къ сестрѣ. Письма эти содержать въ себѣ мѣткія замѣтки о жизни и нравахъ жителей тѣхъ странъ, которыя онъ посѣщалъ, но въ нихъ высказывается преднамѣренное нерасположеніе автора ко всему иноземному, особенно Французскому. По возвращеніи въ Россію, фонъ-Визинъ окончилъ свою комедію — «Недоросль». Есть преданіе, что Потемкинъ, послѣ перваго представленія этой комедіи, сказалъ фонъ-Визину: «Умри, Денисъ, или больше ничего не пиши». Комплиментъ этотъ сдѣлался зловѣщимъ предсказаніемъ. Въ 1785 г. фонъ-Визинъ почувствовалъ первый ударъ паралича, лишившій его до конца жизни свободнаго употребленія языка и одной руки. Онъ умеръ въ 1792 году. Изъ всѣхъ сочиненій фонъ-Визина особенно замѣчательны его двѣ комедіи «Бригадиръ» и «Недоросль», потому что въ нихъ вполне выразилось сатирическое направленіе этого писателя. То самое, противъ чего вооружался Кантемиръ въ своихъ сатирахъ, послужило содержаніемъ и для комедій фонъ-Визина. Сатиры Кантемира изображаютъ два класса людей: классъ людей невѣжественныхъ и классъ людей, получившихъ поверхностное, внѣшнее образованіе. Эти-же классы, только другой эпохи, выведены и въ комедіяхъ фонъ-Визина. Главная цѣль комедіи «Бригадиръ» — осмѣять поверхностное образованіе, заключающееся въ поѣздкѣ въ чужіе края, въ усвоеніи внѣшняго Французскаго лоска и въ знаніи Французскаго языка. Въ лицѣ Иванушки и Совѣтницы поэтъ представляетъ намъ тѣхъ ничтожныхъ глупцевъ, которые воображали, что истинное образованіе состоитъ только въ передразниваніи иностранныхъ привычекъ и даже пороковъ, что *vivre dans le grand monde* значить болтать по-Французски, и для того, чтобы сдѣлаться Европейцемъ, нужно отказаться отъ отечества и перестать быть Русскимъ. Иванушка, по выраженію Софьи, *набитъ однимъ Французскими глупостями*, а кокетливая и пустая Совѣтница безъ ума отъ Парижа и *за великій меритъ* признаетъ въ

Иванушкѣ то, что онъ былъ въ Парижѣ. Во всѣхъ же другихъ лицахъ этой комедіи есть много преувеличеннаго, каррикатуернаго. Самыя безцвѣтныя и скучныя лица — Софья и Стародумъ: они нужны единственно для романтической завязки комедіи. Въ «Недорослѣ» авторъ выставилъ невѣжество, домашній деспотизмъ и дурное воспитаніе. Здѣсь уже онъ не шутитъ, не смѣется, какъ въ «Бригадирѣ», а негодуетъ на порокъ и клеймѣтъ его безъ пощады. Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую она хочетъ насильно выдать за-мужъ за своего сына Митрофанушку, вотъ въ чемъ заключается сущность комедіи. Простакова, по словамъ самого автора, *презлая фурія, которой адской нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлому дому*. Она въ

лицѣ своемъ представляетъ смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всемъ своимъ подчиненнымъ и пѣжности, равно гнусной, къ сыну. Митрофанъ — типъ глупости и дурнаго воспитанія, жертва материнской любви, основанной на одной животной привязанности. Всѣ прочія лица — второстепенныя и только припрыкають къ дѣйствию. Въ лицѣ Стародума авторъ выразилъ свои собственныя мнѣнія и убѣжденія. Характеръ Милона и Софьи безцвѣтны, хотя взаимная ихъ любовь одна изъ главныхъ завязокъ этой комедіи. Успѣхъ Недоросля былъ блистательный. Нѣкоторые изъ имевъ дѣйствующихъ лицъ обратились въ позорныя прозвища.

(Продолж. въ слѣд. №).

Подлинный утвержденъ г. попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Фойгтомъ.

Вѣрно: правитель канцеляріи Рогожинъ.

Напечатано по распоряженію Г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

Харьковъ. Въ университетской типографіи. 1863.